УДК 37.01

А.И.ВОРОНОВ
Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет)

СВЯТО-МАКАРИЕВСКИЙ ХРАМ ГОРНОГО ИНСТИТУТА В ПРОСТРАНСТВЕ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

Современный социолог может видеть, что количество верующих в России сейчас в три раза превышает количество жителей, поскольку один и тот же человек одновременно верит в разное. Люди готовы воспринимать любой бред, не отдавая себе отчета, какие это влечет за собой последствия. Это и есть главное искушение оккультизма. И связано это с отказом думать (и выбирать). Сегодняшний человек обречен на то, чтобы пройти всю историю религии, начиная с магии, оккультизма и шаманизма. Перед этим выбором стоит не только дилетант, но и ученый. Трудно сказать, что может подвигнуть человека к мыслительному подвигу – здравый смысл или нормальная человеческая физиология, но однажды, вослед за Осипом Мандельштамом «герой нашего времени» скажет: «Я христианства пью холодный горный воздух».

The modern sociologist can see, that number of believing in Russia now three times exceeds quantity of inhabitants. As the same person simultaneously trusts in miscellaneous. People are ready to perceive any delirium, not giving themselves of the report what it entails consequences. It also is the main temptation occultism. Also it is connected to refusal to think (and to choose). The today's person is doomed for passing all history of religion, since magic, occultism and shamanyzm. Before this selection stands not only the layman, but also the scientist. Difficultly tell that can подвигнуть the person to a cogitative feat – common sense or normal human physiology, but once, having understood what poison of it feed, after for Osip Mandelshtam «the hero of our time» will tell «I christianities pius cold mountain air».

7 июля Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II совершил чин Великого освящения домового храма во имя преподобного Макария Египетского в Санкт-Петербургском горном институте. На освящении храма присутствовали губернатор Санкт-Петербурга В.И.Матвиенко, губернатор Ленинградской области В.П.Сердюков, ректор Санкт-Петербургского горного института профессор В.С.Литвиненко, руководство, студенты института (так писала пресса). Так была восстановлена еще одна традиция Горного института.

А теперь попытаемся объяснить (на сколько это вообще возможно в короткой статье), что восстановление Свято-Макариевского храма Горного института есть акт, направленный, прежде всего, на актуализацию строгой науки (кроме образования духовного) и уже потом на восстановление первоначальной архитектурной компоненты апреля 1804 г., когда было решено построить церковь на месте бывшего дома купца Е.И.Неймана по 21-й линии Васильевского острова.

Общеизвестно, что современная наука возникла в XVI-XVII вв. в борьбе со старым аристотелевским естествознанием, которое декларировало: иерархичность мироздания, наличие естественных мест (естественное место камня – внизу); неоднородность пространства (на Земле движение идеально, т.е. по круговым орбитам движутся лишь планеты и звезды в эфире); качественный, нематематический характер физики (неподвижное число не может описать движение) и т.п. В противоположность этому взгляду новое естествознание исходило из других положений, главные из которых являются частными следствиями христианского вероучения: мир лишен какой-либо иерархии; пространство однородно, свойства вещества везде одинаковы; естествознание математично: «книга природы написана языком

математики» (Галилей). И восходит все это к положению, что Бог «все расположил мерою, числом и весом». Человек же, как образ Божий, познает эти законы при помощи разума. Таким образом, никаких духов природа не содержит (вспомним Фалесовское – «все полно богов, демонов и душ»). И как следствие возможно обращение к природе для проверки теоретических гипотез, т.е. к появлению эксперимента. Так зарождающаяся наука противопоставила языческому магизму христианское понимание закона природы, который есть проявление воли и замысла Божьего.

Современная наука при всех ее громадных достижениях, а точнее, благодаря им, является более скромной, чем наука недавнего прошлого. Ученые теперь реже, чем в прошлом, говорят о безусловных законах и чаще о теориях и гипотезах, меньше – о детерминизме и больше – о вероятности, меньше – об «истине» и больше – о «моделях». А модели эти понимаются не как умственные или наглядные копии реальности, а как эффективные методы размышления над проблемами реальности для достижения поставленных человеком целей. Также имеет место переосмысление понятия объективности в науке. Согласно традиционному мышлению, наука давала объективность, совершенно независимую от наблюдающего ученого. Но теперь все чаще признается, что научные исследования занимаются разрешением вопросов, поставленных человеческой личностью, а не какой-то «объективной» реальностью. Искомые ответы являются ответами на человеческие вопросы. Более того, особенно со времени появления трудов В.Гейзенберга, существует понимание, что, по крайней мере, при некоторых тонких опытах, например, связанных с исследованиями микромира, само наблюдение влияет на результаты опыта, а полученное в эксперименте знание является во многих отношениях относительным знанием. И в этот момент в научный дом стучится другая тенденция, сколь древняя, столь же и новая, проявляя себя в попытке раздвинуть границы научного познания мира за счет включения в науку элементов мистики и магии.

Известно, что мистическое познание осуществляется только в состоянии экстаза, когда «мистик ощущает себя в некоем "единстве"». В этот момент для мистика глубоко безразличны все ценности этого мира, в том числе научные, он их и не ищет. Магии, в целом, вовсе не обязателен экстаз, ее цели исключительно посюсторонни. По мнению Фрезера, магия тождественна с наукой, а американец Муди, например, видит причину увлечения в современном просвещенном обществе магией, колдовством, ведовством и оккультизмом в том, что расстояние, отделяющее рациональный, научный мир от мира магического – небольшое. В.Гейзенберг выразил это открытие в своем принципе неопределенности. Оказывается, что в самом центре Вселенной мы сталкиваемся с неопределенностью, которую никакое наблюдение не может преодолеть, а в самом ядре реальности заключена непостижимая тайна. Так для ума неискушенного открывается целое поле оккультных пажитей, и задача магии теперь – заставить духов служить человеку в его земных интересах, безотносительно к их нравственному содержанию и духовным ценностям. Весьма характерна здесь будет мысль З.Фрейда (1921) о том, что усилившийся интерес к оккультизму не обязательно заключает опасность, что мы, напротив, должны быть готовы к тому, что между психоанализом и оккультизмом обнаружится взаимная симпатия...

Главная опасность данной тенденции как тогда, так и теперь состоит в глубоком непонимании религии вообще и христианства в частности. Религия здесь рассматривается как один из инструментов этой жизни, как попытка превратить метафизику в физику, а небо отождествить с землей. Очевидно, что в этом же состоит основная опасность и идеи союза науки с магией, которая своим очевидным детерминизмом и полной замкнутостью в четырехмерном пространстве – времени, не выводит научный разум на «новые горизонты», тем более не может дать ему новых здоровых критериев. Напротив, глубоко унизит и то понимание жизни, которое «бесстрастно» присутствует в науке. Не ме-

нее опасно и обращение науки к мистицизму, поскольку это не только не расширит границ ее познания, но и неминуемо приведет к тяжелейшим последствиям для человечества. Мистика, увлекая человека на путь незаконного проникновения в мир духовный и утверждая так называемую свободу (фактически произвол) в духовной жизни, тем самым разрушает сами основы человеческой жизни. Этим она принципиально отлична от Православия с его строгими законами аскетики.

Завершая тему, можно сказать, что истина не вмещается в вечно изменчивый мир природы (хотя бы потому, что есть поэзия), не есть она тождество отображения объективной реальности в сознании человека, не есть высшая умосозерцаемая идея, не есть совершенная рациональная модель, как и не универсальная функция. Она (истина) даже не моноличностный Бог-Дух, в силу Божественной трансцендентности принципиально недоступный человеческому познанию. И если апофатичность рассмотрения здесь нам мало что открывает, то катафатически можно ответить так: она (истина) есть то, какие вопросы мы ей задаем. С открытием Свято-Макариевского храма Горного института, и прежде всего в духовном смысле, мы меньше будем задавать истине невежественных вопросов.